

ПРОЛЕТАРИИ ВСЕХ СТРАН, СОЕДИНЯЙТЕСЬ!

СОВЕТСКОЕ ИСКУССТВО

Орган Министерства кинематографии СССР, Комитета по делам искусств при Совете Министров СССР и Комитета по делам архитектуры при Совете Министров СССР

№ 17 (1053). Год издания XVIII

Пятница, 25 апреля 1947 года

Цена 45 коп.

ТАЛАНТЛИВАЯ КНИГА

Только что вышла из печати книга А. Роскина «Три сестры» на сцене Художественного театра». Она написана давно, около семи лет назад, война задержала ее выход. Но книга эта выдержала испытание временем и сегодня будет прочитана с увлечением. Великолепный спектакль Художественного театра, соединяющий глубину мысли с удивительным изяществом формы, нашел достойное отражение в произведении художественной критики.

Книга Роскина привлечет внимание и режиссеров, работающих над сценическим воплощением Чехова, и широкой актерской массы, и еще более широкой аудитории—зрителей. Она обладает ценнейшими достоинствами истинно художественной критики—серьезное исследование облечено в простую и ясную форму, анализ спектакля соединяется с увлекательностью и образностью изложения.

Роскин с увлечением описывает спектакль Художественного театра. В этом спектакле так гармонично осуществлен союз театра с автором, что вся постановка проникнута атмосферой чеховской поэзии.—и именно этим, прежде всего, спектакль дорог критику.

Любящий и отлично знающий Чехова критик не ограничивается анализом и описанием спектакля. Он выходит за пределы жанра монографии. Он ставит общие вопросы чеховского мировоззрения, которое с особенной силой проявилось именно в драматургии. Нарушая легенду о чеховском пессимизме, Роскин полемизирует с теми вульгаризаторами в литературоведении и в театральном искусстве, которые слишком свободно и упрощенно толкуют чеховский оптимизм. Любовь критика к Чехову не мешает говорить и о слабости великого писателя.

Эта же позиция характерна для критика и в описании спектакля. Роскин восторженно принимает новую постановку «Трех сестер», где слово поэта предстало освобожденным от всякого рода бытовых натуралистических напластований, где чеховские идеи доходят до зрителя в гармоничной системе художественных образов, где глубина и тонкость психологических характеристик сочетаются с острой театральностью. Но книга Роскина меньше всего напоминает те панегирики, к которым нередко сводится жанр монографий, и те статьи, которыми сопровождается путь Художественного театра в последние годы. Анализируя детально сценические образы, Роскин убедительно доказывает, что отдельные исполните-

ли подошли поверхностно и упрощенно к воплощению чеховских персонажей. Строгий и требовательный критик считает уместным и необходимым поговорить о тех потерях, которые понес театр, одержав эту бесспорную победу.

Критик описывает спектакль, сцену за сценой, во всем богатстве и прелести его деталей. Но это описание меньше всего напоминает подробную запись театроведа, который с протокольной точностью фиксирует все мизансцены постановки. Читая эти главы с чувством эстетического наслаждения, мы восстанавливаем в памяти произведение сценического искусства. Трудно представить себе человека, который, прочитав книгу Роскина, не захотел бы посмотреть спектакль. Зритель же, лишенный возможности посетить Художественный театр, может представить себе этот спектакль с той наглядностью, которая возможна в рассказе.

Книга Роскина сильна своей познавательностью. Она закрепляет плодотворный опыт работы театра над пьесой Чехова. Она перспективна, ибо поднимает насущные вопросы сценического истолкования Чехова.

Книга эта написана страстным пером. Но, увлеченный спектаклем, критик иной раз впадает в крайности. Правильно оценивая идейное звучание нового спектакля, анализируя его художественное своеобразие, Роскин, как и многие критики «Трех сестер», фактически противопоставляет его старой постановке. Однако оценка старого спектакля, как минорной песни элегической русской интеллигенции, является односторонней. К. С. Станиславский в период работы над «Тремя сестрами» в 1901 году писал: «Боясь, что, погнавшись за многими затеями, упустим самое главное: заключительную бодрящую мысль автора, которая искупит многие тяжелые минуты пьесы». В новой постановке театр не хотел ни полемизировать с прошлым, ни опровергать его, но «бодрящая мысль автора», которая была в замысле старой постановки, здесь прозвучала с особой силой и выразительностью.

Роскин не увидел своей книги, он прочитал только ее корректуру—война вырвала из наших рядов талантливого критика. Но посмертная книга Роскина не должна быть его последней книгой. Наш долг—выпустить еще одну книгу Роскина: собрать воедино все статьи критика, разбросанные по разным журналам, пополнить этот сборник материалами, которые имеются в архиве покойного. Это будет не только актом уважения к литератору, погибшему на фронте,—такая книга истинно необходима для развития нашего искусства.

Л. МАЛЮГИН.